Философский камень Медичи

Автор:
Лариса Капелле

Философский камень Медичи

Лариса Капелле

Артефакт & ДетективКася Кузнецова #2

Уже третье поколение флорентийских банкиров Медичи ищет секрет Философского камня, тайна которого скрыта в текстах Великого Мага Гермеса Трисмегиста. Все следы священной книги ведут в библиотеку второй жены Ивана III Софьи Палеолог в Москву. Софья согласна расстаться с книгой, но что она потребует взамен?.. Кася отправляется в Рим в надежде убежать от одиночества и неожиданно оказывается впутанной в загадочное убийство римского священника Антонио. И как удается выяснить девушке, это преступление напрямую связано с… событиями пятисотлетней давности: появлением в Москве посланника Медичи – алхимика Альберони и таинственной гибелью царя Ивана III…

Лариса Капелле

Философский камень Медичи

Глава 1

Не бывает плохой ситуации, которая не стала бы еще хуже

Август этого года в Риме оказался особенно жарким. Старожилы и синоптики в кои-то веки пели в унисон: температура превышала средние показатели на целых десять градусов. Некоторые острили, что не иначе как назначенный на ближайшее время очередной «конец света» шалит, некоторые ссылались на потепление климата и пророчили катастрофы. Но в общем и целом, на туристической посещаемости Вечного города погодные недоразумения никак не сказывались. И выносливые китайские, русские, латиноамериканские и прочие туристы маршировали организованными группками от одной достопримечательности к другой, добросовестно засовывали руки в Бокка делла Верита, фотографировались на фоне Колизея и античных колонн, не сбавляя темпа, осматривали знаменитые римские площади и фонтаны. Среди групп пытались пробиваться менее организованные соседи Италии по ЕС и американцы. Фотоаппараты щелкали, гиды размахивали то флажками, то исскуственными цветками гигантских размеров, разноголосая и разноязыкая толпа вопреки всему продолжала восхищаться. И Рим каким-то одним ему известным способом продолжал оставаться Римом. Когда же ошалевшее солнце закатывалось наконец за горизонт, к туристам присоединялись и жители. Все дружно вываливались на накаленные за день мостовые, уютно располагались за столиками кафе или просто болтались по узким улочкам и тенистым аллеям парков.

Кася вышла из отеля ближе к обеду, так и не решив для себя, чем же она будет сегодня заниматься. «Я должна составить программу», – запоздало подумала она, погружаясь с головой в водоворот Рима. Вечный город гигантской воронкой затянул ее в свои объятия, и вскоре она благополучно забыла все свои благие намерения. Совершенно ошалевшая и очарованная девушка бродила по маленьким улочкам, периодически выныривая то к Пантеону, то к фонтану Треви, то к площади обелисков. Сама не помнила, как оказалась на площади Венеции. Улыбнулась, представив, на кого она похожа со стороны: высокая молодая брюнетка в запыленных тенисках, с очумелым взглядом и кучей маленьких и больших пакетов в руках. Абсолютно уже вымотанная вспомнила наконец, что забыла пообедать. Напрягла память, неподалеку, рядом с развалинами Форума Тражана, в прошлый свой приезд она очень вкусно поела в небольшой таверне. Решила попытать счастья. На ее удачу место нашлось, и она наконец-то смогла с удовольствием вытянуть ноги. Джулия была права, уже к концу первого дня пребывания в Риме Кася почти забыла все свои тревоги.

Все началось с того, что ей понадобилось уехать из Москвы. Вернее, даже не уехать, а сбежать, раствориться, исчезнуть в неизвестном направлении. Нет, ей ничто не угрожало, по крайней мере на данный момент. Скорее всего, она сама

являлась угрозой для целого ряда людей… Поэтому проще всего было удалиться (умчаться) от греха подальше. У нее был выбор – отправиться к маме в Ниццу или съездить в Берлин к Кириллу. Но весь период пребывания у матери грозил вылиться в непрекращающиеся споры о смысле ее, Касиной, жизни, вернее его отсутствии. С Кириллом было еще труднее. Их отношения продолжались уже больше года, но Кася до сих пор не могла понять, кем же являлся для нее этот образчик мужской красоты под два метра ростом, с точеным профилем Адониса и прозрачными голубыми глазами? Любовником или любимым? Другом или соперником по поиску? Помощником или наблюдателем? Получалось, что эту ситуацию можно было отнести к какой угодно, но только не к нормальной. Тем более Кирилл имел дурную привычку появляться без приглашения и без предупреждения исчезать.

Тогда, после недолгого размышления, Кася решила отказаться от обоих вариантов. Итак, ни мама, ни Кирилл не подходили. Оставалось отправиться куда глаза глядят, что обычно проще сказать, чем сделать. В этот момент подвернулось приглашение Джулии. С Джулией Кася познакомилась в международном студенческом лагере. Вместе с несколькими однокурсниками она подписалась тогда участвовать в восстановлении небольшого средневекового замка неподалеку от Страсбурга. Кроме них, в группе оказались пять испанцев, две итальянки и четверо литовцев. Особенно она тогда и подружилась с Джулией из Генуи и с Витасом и Бирутэ из Тракая. С тех пор друг друга они не забывали, регулярно обмениваясь сообщениями и даже ухитряясь встречаться время от времени.

Джулия, заметив, как все больше и больше скучнеет тон Касиных писем, стала настаивать, что той абсолютно необходимо в Рим, то есть к ней. Ибо нет на свете лучшего лекарства от тоски, чем две недели в Риме. Джулия к этому времени стала подающим надежды молодым дизайнером и жила между Миланом, Парижем и Римом. В Риме она обреталась у тети Франчески, которой принадлежал отель в центре Трастевере, одном из самых лучших кварталов Рима, по мнению Джулии, и не только. И, судя по всему, даже простое посещение отеля Франчески стоило поездки в Рим. Сама Джулия улетала на несколько недель в Шангай и предлагала подруге расположиться в ее номере. Кася, недолго думая, согласилась. В конце концов из Москвы ей надо было уехать, а Рим был именно тем городом, в котором лучше всего забываются мелкие и не очень досадные недоразумения собственного существования. Касина мама, Екатерина Дмитриевна, любила повторять, что именно в Рим она приезжает, когда становится совсем уж невтерпеж и жизнь кажется грустной и унылой дорогой к не менее печальному концу. Теперь Кася решила испытать

рецепт своей родительницы. И, похоже, как всегда, ее мама была права.

И с того самого момента, когда такси остановилось перед отелем, Касе пришлось признать, что Джулия ничего не приукрасила. Место было уникальным, да и тетя Джулии не разочаровала. Конечно, Джулия рассказывала подруге, что ее тетя – феномен, каких еще поискать. Но такого предупреждения, как всегда, было мало. Кася и представить себе не могла, какой в действительности будет ее встреча с тетей Джулии. Синьора Франческа Савелли накатилась на нее сметающей все на своем пути лавиной. Активно жестикулируя и отдавая неожиданно четкие распоряжения своим служащим, она затащила ее в кабинет, усадила в кресло и сама устроилась напротив. Тут же затрезвонил телефон, Франческа схватила трубку и начала что-то эмоционально объяснять. Она говорила настолько быстро, что Кася, обычно неплохо понимавшая итальянский, никак не могла разобрать, о чем же идет речь. Телефон продолжал трезвонить не останавливаясь, но несмотря на это, Франческа ухитрилась расспросить Касю о ее планах, вернее, об их отсутствии, дала несколько советов и протянула пластиковую карту с кодом номера. Кася попыталась было настоять на том, чтобы заплатить хотя бы за завтрак, но синьора Савелли, так же активно жестикулируя, раскричалась, что пока у нее найдутся средства на пару круассанов для лучшей подруги ее любимой племянницы. Касе ничего не оставалось делать, как поблагодарить и отправиться на поиски собственного номера.

Пока поднималась к себе, осмотрела все вокруг. Отель действительно был чудным. Когда-то это был женский монастырь. Но времена и приоритеты изменились, ряды монашенок значительно поредели и поддерживать монастырь в приличном виде им стало не под силу. В конце 90-х годов монашки перебрались в другой монастырь, а изрядно обветшавший комплекс зданий купила тетя Джулии. Она вложила весьма приличную сумму в реставрацию, и получился необычный четырехзвездочный отель, в котором последние достижения гостиничного комфорта удивительно сочетались с шармом здания эпохи Возрождения, особой атмосферой покоя и несколько странным для подобного заведения ощущением полной оторванности от окружающей суеты большого города. Для Каси лучшего места было не найти. В кои-то веки в отеле она чувствовала себя даже лучше, чем дома. Может быть, дело было в особой атмосфере женского монастыря. Даже подумала, а может, и в самом деле такое место станет ответом на ее поиски. Сказала матери, та почему-то возмутилась: «Не ерничай, в конце концов должно же быть у тебя хоть что-то святое! Раз в жизни подумай о других – ты со своими способностями переворачивать все с ног на голову и находить неприятности любой монастырь в бедлам превратишь!»

– Синьора желает счет? – прозвучало над ее головой. Она подняла глаза и встретила взгляд виновато улыбающегося официанта. На самом деле она провела в ресторане неприлично много времени, тем более за дверями уже ждали следующие посетители.

Кася торопливо расплатилась и вышла. На улице остановилась в раздумье. Возвращаться в отель не хотелось. С некоторых пор она стала бояться одиноких вечеров, потому что именно в это время в голову начинали лезть самые разные мысли. Если в течение дня ей худо-бедно удавалось отбиться от размышлений о смысле собственной жизни, например, то к вечеру они начинали саднить наболевшей мозолью. По утверждениям матери, Екатерины Дмитриевны, эти размышления были вполне положительным показателем выхода Каси из детского возраста.

– Лучше поздно, чем никогда, – пожимала плечами ее родительница, – наконец-то начнешь строить свою жизнь как нормальный, взрослый человек.

– То есть до этого я ее строила как ненормальный?!

Споры с матерью были отличительной особенностью Касиного существования. То есть моменты, когда Екатерина Дмитриевна, прозванная за глаза Екатериной Великой, и Кася ухитрялись все-таки приходить хоть к некоему подобию согласия, были чрезвычайно редкими.

– Ты упорствуешь в собственном заблуждении, что отсутствие четко определенной профессии – это свобода! – восклицала в очередной раз Екатерина Дмитриевна. – Раньше ты писала диссертации на заказ, сейчас ищешь потерянный антиквариат, дальше что?

– Не знаю, – вполне искренне отвечала тогда Кася, – и вообще кто знает?

– Большинство людей, – не давала выбить себя из седла Екатерина Великая.

– Тогда вопрос на засыпку: что объединяет все жизненные планы? – вкрадчиво спрашивала Кася.

Ответом было молчание. Мать, подозревая подвох, пыталась найти ответ поубедительнее.

– Не знаешь, тогда я отвечу. Единственное, что объединяет все жизненные планы, это то, что они рано или поздно рассыпятся, как замки из песка! Так что, может быть, я и есть самый прагматичный на свете человек: не строю того, что неминуемо разрушится.

Но Екатерина Великая ухитрялась повернуть ситуацию таким образом, что последнее слово оказывалось все-таки за ней.

– Что ж, делай как знаешь! Портить себе жизнь – ты на это вполне имеешь право. Только, заметь, ты вовсе не обязана этого делать!

Но Кася упрямо продолжала портить себе жизнь. Хотя этот процесс протекал для нее до недавнего времени достаточно интересно и даже слегка весело. «До недавнего времени», – подчеркнул сам собой мозг, и сердце вновь защемило.

Стараясь отогнать от себя неприятные мысли, девушка кружила по узким улочкам старого города. Внезапно фасад небольшой по римским понятиям церкви привлек ее внимание. Подошла поближе и прочитала надпись: «Санта-Мария-деи-Монти». Именно об этой церкви ей рассказывала тетя Джулии, говоря, что в самые тяжелые моменты приходит сюда. Церковь была построена в честь обретения чудотворной иконы Богоматери. После недолгого колебания зашла.

Месса подходила к концу. Кася присела на крайнюю скамью, постаравшись не потревожить верующих, и стала осматриваться. Церковь Санта-Мария-деи-Монти, как и большинство римских церквей, внутри оказалась гораздо значительнее и величественнее, чем снаружи. Лучи заходящего солнца окрашивали внутреннее убранство в золотисто-красноватые тона, придавая всему какой-то особенный смысл. Над алтарем, за стеклом, полная тайной печали улыбалась Мадонна, бережно качая на руках того, кому предстояло стать Спасителем человечества. Мысли крутились в голове Каси какими-то обрывками, ни начала, ни конца. Она подняла голову, словно почувствовав чей-то взгляд, и встретилась с глазами иконы. И в этот момент ее охватило очень странное чувство прикосновения к чему-то необычному, она побоялась сказать сверхъестественному. Хотя это было не совсем точно. Сверхъестественное

должно было бы вызывать страх или преклонение, ну что-то в таком роде, точное определение никак не приходило в ее голову. У Каси же впервые за столько лет появилось ощущение чьей-то жалости к себе, у нее внезапно защипало глаза и сдавило сердце. Торжественные звуки органа и неожиданно мощный и красивый голос священника наполнили душу Каси столь не свойственным ей умилением. Месса закончилась, а Кася так и продолжала сидеть, словно зачарованная. Она боялась даже пошевелиться, не желая неловким движением разрушить долгожданное ощущение покоя, наполнившее все ее существо.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, оглянулась. Ее глаза встретились с глазами священника, уже снявшего с себя торжественное облачение и, по всей видимости, готовившегося уходить. Он подошел к ней и сел рядом.

– Вы не против, если мы немного поговорим? Мне кажется, что вы нуждаетесь в этом разговоре.

– Почему вы так решили? – старательно подбирая слова, ответила она.

– Я заметил, как вы смотрели на Мадонну, вам было очень плохо…

Эти простые слова, сказанные с таким сочувствием и пониманием, обезоружили Касю. Ей расхотелось уходить.

– Вы хотите поговорить? – продолжил священник.

– Наверное, – неуверенно ответила она.

– На каком языке вам легче беседовать? – заметив ее акцент, спросил он.

– На русском, английском или французском, – перечислила она.

– Я говорю по-французски, по-английски и… по-русски, так что выбирайте, – с оттенком гордости произнес падре, не без удовольствия отметив удивление, проскользнувшее по Касиному лицу, – вы не ожидали?

– Нет, – честно призналась она.

– Один из моих предков когда-то побывал в России, только это было давным-давно, в период московских царей, – продолжил священник, – он был большим путешественником и очень интересным человеком. Сначала я решил побольше узнать о нем, а потом заинтересовался и Россией. Хотя по-французски мне говорить все-таки проще, – рассмеявшись, признался он.

Как ни странно, но это неожиданное начало установило между ними такое же неожиданное чувство доверия. Потом уже, вспоминая начало их разговора, Кася поняла, что встретила настоящего виртуоза исповеди. Она всегда представляла этот процесс несколько иначе: кабинка, зевающий или, наоборот, чрезмерно строгий священник и бедные овцы-прихожане. Сейчас же все произошло совершенно наоборот, сидевший перед ней человек сначала установил доверительные отношения, а потом ей стало совершенно просто сложить с души, как непосильную ношу, все наболевшее. Тайна исповеди – гениальное изобретение!

– Меня зовут отец Антонио.

– А я Кассия или просто Кася, – начала она и неожиданно для самой себя добавила: – Вы знаете, я никогда не исповедовалась, а вот теперь мне просто необходимо это сделать.

– Почему именно сейчас? Мы можем просто поговорить, – несколько удивился отец Антонио.

– Нет, мне нужно именно исповедоваться, – твердо сказала она.

– Вы желаете, чтобы я отпустил ваши грехи, – улыбнулся он, – неужели они настолько страшны?

– Да, я думаю, что виновна в смерти одного человека, а может, и не одного…

Улыбка исчезла с лица священника, и на этот раз он посмотрел на Касю вполне серьезно:

– Вы хотите пройти в исповедальню?

– Нет, можно мы останемся здесь? – попросила она.

– Конечно, я вас слушаю, Кассия, – просто ответил он.

Она задумалась, с чего начать. Но, потом махнув рукой на все, рассказала от начала и до конца. Тем более до встречи с отцом Антонио у нее так и не хватило мужества рассказать кому-либо эту историю. Даже мать Каси, Екатерина Дмитриевна, была вынуждена теряться в догадках, что же такого внезапного произошло в жизни ее дочери, что та решила срочно уехать. Для всех ее побег из Москвы был просто желанием сменить воздух и набраться новых впечатлений. В конце концов последние два с половиной года она работала почти без передышки. И эта работа стала для нее своего рода спасением. Если раньше она писала диссертации для других, то теперь от чисто научного поиска под чужими именами она перешла к конкретному. Тем более что последняя диссертация на заказ не просто полностью изменила ее жизнь, она изменила саму Касю.

Чего она лишилась? Наверное, легкости, с которой до этого привыкла перемещаться по жизненному пути, и еще счастливого неведения… Труднее было сказать, что она приобрела. Опыт? Возможно. Мудрость? Хотелось бы… Одно было точно: все происшедшее оставило в ее душе ощущение, когда стоишь на распутье и не только не знаешь, в какую сторону податься, но и внутренне подозреваешь, что любая из дорог ведет в пропасть. В этот момент в ее жизни вновь появился Шаров. Он предложил ей оставить написание чужих диссертаций и помогать ему. Сотрудничество с Алексом было увлекательным и не так уже разительно отличалось от всего того, чем ей приходилось заниматься раньше.

Она уже и думать забыла, что когда-то называла его Александром Владиславовичем и принимала за скромного архивного работника, эдакого идеального современного отшельника. С ним ее и свела эта самая последняя диссертация о жизни и деятельности никому неизвестного польского ссыльного Тадеуша Малишевского. Поиски загадки жизни и смерти поляка полностью перевернули все ее представления о мире, стоили жизни заказчику диссертации и еще нескольким людям. Шаров же оказался в реальности вовсе не человеком не от мира сего, а вполне деловым мужчиной с чересчур развитой авантюрной жилкой. Работал он на всемирную организацию антикваров и выполнял заказы различных международных фондов, занимающихся вкладыванием капиталов в произведения искусства. В их задачу входило отыскивать выпавшие из оборота

раритеты. Для инвестиционных фондов произведения искусства стали гораздо более надежным капиталовложением, нежели худеющие на глазах денежные девизы и тающие, как мартовский снег на солнце, акции. Работа была по-настоящему увлекательной. Кася сама себе казалась настоящим «искателем сокровищ». Только разница состояла в том, что сокровища располагались вовсе не на загадочном острове, а покоились в чемоданах, пылились на чердаках, скучали на стенах обычных квартир. А их хозяева часто и не представляли себе, что картинка, доставшаяся от дедушки и совершенно не вписывавшаяся в интерьер, выкинуть которую никак не поднимается рука, может быть наброском Рубенса или неизвестной картиной Маковского, а бабушкин медальон являться на самом деле подлинником из знаменитого средневекового итальянского ателье Kaza Pirota.

Все начиналось совершенно замечательно, да только закончилась ее очередная авантюра неожиданно и печально. Даже сейчас, при мыслях об этом, ей было трудно справиться с головокружением и подступающей к горлу тошнотой. Именно поэтому она решила уехать куда глаза глядят. Как на духу, не останавливаясь и не прерываясь, она выложила все это отцу Антонио. И только после подняла глаза и решилась взглянуть на своего собеседника. Тот, казалось, был погружен в какие-то свои, только одному ему известные мысли. Ей стало обидно.

– Вам неинтересно? – выпалила она и тут же спохватилась, в конце концов он вовсе не обязан вслушиваться в ее, Касины, излияния, поэтому добавила: – Извините, меня просто все это полностью выбило из колеи и я совершенно не представляю, как мне теперь жить!

– Нет, вы ошибаетесь, я внимательно слушаю вас. Знаете, вы сами не представляете себе, насколько я хорошо вас понимаю. В конце концов такой выбор, который стоит перед вами, не так уж редок… – с неожиданной горечью произнес священник и посмотрел куда-то в сторону, потом, словно уверяя самого себя, добавил: – Так устроено, что что бы мы ни делали, чем бы ни занимались, всегда, в тот или иной момент, у нас нет иного пути, как только быть «внутренне послушным» с тем, что мы делаем. Если мы не способны к этому, то лучше остановиться и искать другой путь. Так вы и сделали.

– Быть «внутренне послушным», – повторила эхом за ним Кася, – странное выражение.

– Это из «Упражнений» («Exercice») Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов, – пояснил отец Антонио, по-прежнему глядя куда-то в сторону, и процитировал: – «Необходимо всегда следовать правилу: то, что мне кажется белым, я должен считать черным, если таково иерархическое определение предмета». Так что, как видите, от любого члена ордена и от самого себя он требовал не просто быть послушным исполнителем, но подавить в себе всякую способность к сопротивлению и свободному выбору. Это и есть изобретенное им «внутреннее послушание».

– То, что мне кажется белым, я должна считать черным, если таково «иерархическое определение предмета», – задумчиво произнесла Кася.

– На самом деле мы гораздо чаще предпочитаем считать белое черным не только потому, что нас кто-то заставляет это делать, просто нам так удобнее. А, может быть, иначе жить стало бы невозможно, – лицо священника напряглось, и он отвел глаза, словно боясь выдать какую-то особенно сокровенную мысль.

– Моя бабушка мне говорила, что в такие минуты очень важно научиться «думать сердцем». Именно так она и говорила: «Думай сердцем, моя дорогая, думай сердцем».

– Ваша бабушка была очень умной женщиной, и всегда следуйте ее совету: в самый трудный момент нужно уметь услышать голос собственной души! – твердо сказал отец Антонио и поднял на нее неожиданно просветлевший взгляд, – вот вы мне сказали это, а я вспомнил слова, которые прочитал когда-то давно: «Помни твою дорогу и не сворачивай с нее. Не забывай, встанет перед тобой выбор, не думай. Принимай первое, что подсказывает тебе Сердце. Если ты по-настоящему готов к испытанию, оно знает дорогу». Совсем как говорила ваша бабушка, не правда ли?

– Откуда это?

– Это неважно, главное, как сказано, – улыбнулся отец Антонио.

– Вы правы, – согласилась Кася и с чувством добавила: – Спасибо, вы мне очень помогли!

Она и на самом деле почувствовала странное и неожиданное облегчение, словно груз, тяготивший и мешавший жить, развеялся как дурной сон.

– Я рад, только теперь ваш черед мне помочь, – совершенно просто, как о чем-то само собой разумеющемся, произнес он.

– Вам помочь? – удивленно переспросила она, ответ отца Антонио был по меньшей мере неожиданным.

– Да, я нуждаюсь в вашей помощи, и я думаю, сама Мадонна привела вас в эту церковь. Услышав вашу историю, я понял, что вы именно тот человек, который мне нужен.

– Хорошо, я помогу, да только чем?

– Вы сказали, что на днях вернетесь, и мы поговорим еще раз?

Она молча кивнула.

– Тогда я хочу доверить вам одну вещь. Просто возьмите ее и не задавайте никаких вопросов. Единственное, я вас попрошу принести ее на нашу следующую встречу.

– Что это за вещь?

– Конверт с несколькими старинными бумагами. Это нечто вроде фамильной реликвии. Не бойтесь, он нетяжелый. С некоторых пор я опасаюсь хранить их здесь или в моей квартире. Видите ли, – он замялся, – за последнее время меня пытались несколько раз ограбить. И мне кажется, вам я могу довериться, тем более вы абсолютно вне всего этого…

Кася вышла из церкви с хорошо ей знакомым неприятным чувством, что она снова впуталась в какую-то историю. И исход, как и полагается, ей был совершенно не известен. Небольшой надежно заклееный конверт из коричневой оберточной бумаги лежал в ее сумке, и она дала себе слово ни при каких обстоятельствах его не открывать.

Через пару дней Кася вернулась к знакомой церкви. Зашла, в который раз удивившись атмосфере покоя, и терпеливо присела на скамью. Отец Антонио был занят разговором с высоким не очень похожим на итальянца человеком. Касю он даже не заметил, тем более беседа эта была не очень приятной. Во всяком случае, священник не улыбался и несколько раз раздраженно помотал головой. Но незнакомец уходить не собирался. Кася посмотрела на время, прошло уже больше получаса, а разговор продолжался. Поразмыслив, решила вернуться к вечерней мессе. Однако закрутилась в римском водовороте и к церкви вернулась только около десяти часов вечера. К ее удивлению, двери оказались открыты, хотя свет был уже выключен. Несколько лампадок горели перед ликом Мадонны и распятием. Кася заколебалась, но внутрь все-таки зашла. Церковь была пустынна. Кася прошла по центральному проходу к алтарю. Нащупала в кошельке мелочь и опустила в прорезь автомата. Тут же перед ликом Мадонны автоматически зажглось несколько электрических свечей. Кася не любила это нововведение, она предпочитала настоящие свечи, но выбора ей никто не предоставлял.

Как ни странно, но без отца Антонио церковь казалась совершенно другой. Что-то неуловимо изменилось в атмосфере. Словно благодати, которую она почти физически ощущала в свой прежний приход, стало гораздо меньше. В окружающем сумраке лик Мадонны был неожиданно строгим и скорбным, а глаза смотрели печально, словно ей все теперь было известно заранее, и надежда на чудо иссякла. Даже лица святых изменились – они смотрели тревожно и со странным укором.

Девушка развернулась и направилась было к выходу и только в этот момент заметила, что в церкви она была не одна. Неприятный холодок пробежал по спине. Прямо перед ней, глубоко наклонившись, сидел человек. Лица его в полумраке видно не было, но ей показалось, что это был мужчина. Он поднял голову и уставился на Касю. Внезапный страх парализовал ее, и она застыла на месте. Больше всего на свете ей хотелось убежать, но какое-то странное чувство удерживало на месте. Она словно ждала чего-то. Тем временем мужчина зашептал. Но тихие слова эти в церковной тишине прозвучали неожиданно отчетливо:

– Все ли грехи может простить Мадонна? Великодушна ли и милосердна ли она на самом деле?! И все ли можно простить… – последние слова заглушили рыдания.

Касе стало окончательно не по себе, она промычала нечто нечленораздельное, и ноги ее буквально вынесли из церкви. Опомнилась она только через пару перекрестков, когда заметила, что ее занесло в совершенно незнакомый квартал. Пришлось доставать план, и поиски дороги заглушили последние отголоски странной встречи. Кася отнесла свои впечатления к накопившейся за день усталости и поспешила в отель.

Вернувшись в гостиницу, первым делом прошла в закрывавшийся уже бар и успела попросить стакан белого игристого вина, которое ей так понравилось накануне. Со стаканом в руке проследовала в бывший монастырский сад и, расположившись в плетеном кресле под невысоким раскидистым деревом, задумалась. Но как ни старалась думать о чем-нибудь приятном, неприятное ощущение тревоги никак не желало покидать ее. «А все-таки странный он человек, этот отец Антонио, с одной стороны, слушать он умеет так, словно это ему дано свыше, слушать и понимать. А с другой стороны, в момент, когда говорил о внутреннем послушании, глаза были словно у затравленного оленя!» Неожиданно прямо перед ней откуда ни возьмись появилась похожая на чайку коричневая птица с перепончатыми лапами. Сделав круг на Касей, птица уселась на песчаную дорожку и, презрительно окинув девушку взглядом круглых глаз, пронзительно гаркнула. Кася рассмеялась от неожиданности. «Нет в мире совершенства! – подумала она. – Звездная ночь, чудесный, наполненный дурманящим запахом цветов сад и вместо нежного щебетания птиц и заливистых трелей соловья это каркающее чучело». Птица тем временем, с хозяйским видом переваливаясь, направилась к небольшому фонтану. Утолив жажду и еще раз пронзительно гаркнув, неизвестная представительница пернатых поднялась в воздух и исчезла. Мысли Каси сами собой переключились на впечатления сегодняшнего дня и, полностью забыв о своих недавних тревогах, она поднялась в свой номер.

Утром за завтраком слушала краем уха последние новости. Похоже, случилось нечто важное. Она видела людей, со слезами на глазах рассказывающих о происшедшем. Неужели теракт! Прислушалась повнимательнее. Похоже, случилось некое страшное зверское убийство. Показывали толпу и здание, показавшееся ей до странности знакомым. Кася придвинулась поближе к стойке, она с трудом разбирала эмоциональную речь журналистки. По всей видимости, жертвой неизвестного маньяка был какой-то представитель церкви. Камера выхватила на миг из толпы лицо, которое ей почему-то запомнилось. На лице невысокого полноватого мужчины лет шестидесяти было написано такое отчаяние, что она почти физически почувствовала его боль. И только в самом конце наконец показали портрет. Пол поплыл под ногами Каси. Она изо всех сил

вцепилась в край стойки, чтобы не упасть. Голова кружилась, и только обрывки фраз доносились до ее сознания. Взгляд ее был прикован к портрету зверски убитого священника. С экрана с такой запомнившейся улыбкой смотрел отец Антонио, настоятель церкви Санта-Мария-деи-Монти…

Глава 2

Было бы сердце, а печали найдутся…

Комиссар Витторио Баттисти задумчиво перебирал бумаги, разложенные на его небольшом письменном столе. Он уже давно перешагнул тот возрастной порог, когда новое расследование могло занять все его помыслы, даже такое впечатляющее, как убийство священника. Тем более настоятеля церкви Санта-Мария-деи-Монти он не знал и к числу его прихожан не относился. Конечно, как и все ему подобные, он нуждался в сильных эмоциях, в притоке адреналина, иначе никогда бы не выбрал работу сыщика. Но вся проблема была в том, что он уже давным-давно перестал испытывать тот восторг охоты, который когда-то подстегнул его карьеру. Сейчас все было иначе. Иногда сам себе он казался погрязшим в бумажном потоке бюрократом, да и исход игры был отчасти предсказанным. Он давным-давно избавился от иллюзий, что его работа – это прежде всего поиск истины и его действия полностью свободны и независимы. И он научился мириться с этим как с одной из сказок этого мира и даже называл этот процесс мудростью. Поэтому его нисколько не удивило, когда сам Vice Questori Алессандро Катроне позвонил ему напрямую и без всяких обиняков сказал:

– Мы надеемся на вашу сдержанность и скрытность, комиссар. Сами понимаете взрывоопасность такой аферы и насколько затронуты в ней интересы достаточно влиятельных людей.

Хорошо знакомое чувство раздражения охватило комиссара. Вся эта игра с намеками на всем известные обстоятельства и так далее и тому подобное ему уже изрядно надоела, и в который раз он подумал об отставке.

– Вы хотите сказать, что далеко не святые отцы Святого Престола оказывают давление на правительство в общем и на вас в частности? – невинным голосом

поинтересовался он.

– Вы меня поняли, – сухо ответил Катроне, – и вы должны встретиться с одним из представителей Ватикана, братом Паоло Сарагоса, и оказать ему всяческое содействие.

– На данный момент у меня нет времени встречаться с кем-либо из курии.

– Я надеялся на ваше понимание, комиссар, и мне не хотелось бы оказывать дополнительное давление. Кроме того, вы должны понять, что Ватикан ни в коем случае не желает мешать вашему расследованию. Совершенно наоборот, они как раз-то хотят помочь. Я думаю, что их информация может оказаться для вас очень важной и полезной! Они отправляют нам брата Паоло Сарагоса, он принадлежит к ордену доминиканцев, и он хорошо знал отца Антонио и даже разговаривал с ним незадолго до его смерти.

Баттисти хмыкнул и после недолгого размышления ответил:

– Хорошо, я согласен встретиться с братом Паоло. Но сразу же предупредите их, что при первой же попытке давления или шантажа я откажусь от дела, и тогда выпутывайтесь сами.

Уже через сорок минут в его кабинет постучался мужчина в темном костюме. На вид ему было хорошо за пятьдесят – серые глаза под набухшими веками, коротко подстриженные седые волосы.

– Брат Паоло Сарагоса, – представился он.

– Комиссар Баттисти. Устраивайтесь. Думаю, вы хотите сразу перейти к делу?

– Вы правы, – ответил Сарагоса и устроился в кресле напротив комиссара.

– Мне сказали, что вы хорошо знали отца Антонио? – не откладывая дела в долгий ящик, спросил комиссар монаха.

– Хорошо – в данном случае не совсем точно, – ровным голосом произнес брат Паоло, – я был знаком с ним, но близкими друзьями мы никогда не были.

От ясного и холодного, как сталь, голоса доминиканца Баттисти пробрала дрожь. Словно тень Святой инквизиции осталась в его памяти где-то на генетическом уровне, и на него повеяло вечным холодом.

– Были ли у него недоброжелатели?

– Полагаю, были, как и у всех нас, – пожал плечами Сарагоса, – хотя в случае отца Антонио, думаю, недоброжелателей у него было немного. Он никогда не гнался ни за славой, ни за удовольствиями, всегда довольствовался малым.

– Каким был круг его интересов? – задал следующий вопрос Баттисти.

– Трудно сказать, я уже вам сообщил, что близки с ним мы не были. Я знаю, что он был совершенно равнодушен к политике, не искал никаких особых должностей, любил историю и много времени проводил в архивах и музеях. Даже издал небольшую книгу об истории нескольких церквей Рима и Флоренции. Возможно, в его окружении вы найдете людей, которые лучше меня знают его интересы.

– Мне сказали, что вы виделись незадолго до его смерти?

– Да, если быть точным, неделю назад.

– Кто попросил о встрече: вы или он?

– Он.

– Почему он хотел встретиться с вами?

– Он желал побольше узнать об одном старинном манускрипте.

– Что это за манускрипт?

– Название его вам ничего не скажет, неоплатонический текст «Путь к свету», относящийся к началу нашей эры.

– Вы специалист по редким манускриптам?

– Нет, – односложно ответил монах.

– Тогда почему он обратился именно к вам?

– Эта книга относится к еретическим, а наш орден считается одним из главных специалистов по ересям, что в принципе одно и то же.

– И его могли убить из-за этой книги?

– Не думаю, он просто справлялся о том, мог ли существовать такой текст и что нам о нем известно, – ответил брат Паоло.

– Просто чудесно, – проворчал комиссар, – задача со всеми неизвестными: отец Антонио ищет какую-то книгу, справляется у вас о возможности ее существования, и его убивают. Может, ваша организация и отправила собрата «ad patres» (к праотцам) за интерес к особенно нехорошей книге? – с невинным видом поинтересовался у монаха комиссар.

– С момента нашего основания в тринадцатом веке мы постоянно вынуждены бороться с дьявольским соблазном ложного знания и ложных идей. Но в нашей борьбе мы не прибегаем к насилию, – тем же ровным голосом продолжил монах.

– Если не считать Святой инквизиции, да и потом, я бы не сказал, что вы очень преуспели в вашей борьбе, брат Паоло! – не преминул поддеть монаха Баттисти. – Католиков становится все меньше, а сект и ересей все больше.

– Так устроен мир и человек, – спокойно парировал Сарагоса. Даже если его и задела издевка полицейского, своего раздражения он не показал.

Комиссар тогда отдал должное выдержке брата Паоло, признав противника равным себе. Как ни странно, именно с этого момента он дал себя уговорить. Брат Паоло получил право не только быть в курсе всего, но еще и присутствовать при опросе свидетелей.

Они уже опросили пятерых свидетелей, когда помощник Баттисти ввел в комнату высокую темноволосую девушку лет двадцати пяти. Звали ее Кассия Кузнецова, и она была из России. Познакомилась с отцом Антонио два дня назад, когда случайно забрела в церковь. Самым интересным в ее рассказе были два факта. Первый: в день убийства она видела отца Антонио беседующим с высоким мужчиной и, по ее впечатлениям, разговор этот к числу приятных не относился. Второй: вернулась в церковь около десяти часов вечера, отца Антонио не застала, но видела в темноте плачущего мужчину.

– Почему вы решили, что это мужчина? – несколько уставшим голосом спросил комиссар.

– Я не могу сказать, что уверена на сто процентов, но мне так показалось. Да и голос походил больше на мужской.

– Вы можете его узнать?

– Мужчину?

– Нет, голос?

– Не думаю, – неуверенно произнесла она, – он говорил шепотом. Я еле расслышала слова.

– Ну а дневного собеседника отца Антонио вы можете описать?

– Я его видела со спины, и на какое-то мгновение он повернулся в профиль, – неуверенно произнесла Кася, – высокий, выше метра восьмидесяти, слегка сутулится, хотя выглядит достаточно спортивно. Волосы каштановые с проседью, короткая стрижка. Мне показалось, что это или немец, или скандинав. Конечно, я могу ошибаться, но это то, что я подумала. Он мне показался не похожим на итальянца, и все.

Кася сидела напротив комиссара, руководившего допросом, безуспешно пытаясь сконцентрироваться и как можно более связно излагать историю. Она была не уверена, что сделала правильный выбор, явившись сюда. Сначала, до трех часов дня, она просто безвылазно просидела в номере, разглядывая одной ей видимую

точку на потолке. Потом наконец неимоверным усилием воли заставила себя одеться, причесаться и покинуть свое убежище. В отеле было по обыкновению пустынно. Зашла в бар и устроилась за стойкой. По новостному каналу вновь передавали подробности убийства отца Антонио. На этот раз мужественно выслушала все до конца. Журналисты не жалели ни времени, ни красок, расписывая детали происшествия. Тело Антонио со следами пыток и многочисленных ножевых ранений нашли в небольшой комнате в правом крыле церкви, в которой настоятель обычно принимал посетителей и хранил некоторые личные вещи.

На экране то и дело мелькал номер прямого телефона, по которому любой свидетель мог позвонить и оставить известные ему сведения. Кася заколебалась. О чем она могла рассказать? О своем разговоре с отцом Антонио? О конверте? Или о странном незнакомце, которого она застала в церкви? Имел ли он какое-то отношение к убийству или нет? Сомневалась она не зря. Если ее свидетельство сочтут заслуживающим внимания, то могут запросто не выпустить из Италии, а то и из Рима. Что делать? Но мало-мальски приличное решение не приходило в голову. Конечно, она могла просто уехать, но какое-то смутное ощущение невыполненного долга не давало покоя. Сможет ли она жить с сознанием того, что ее сведения могут позволить обвинить убийцу или оправдать невиновного. Поколебавшись минут десять, она приняла решение.

Теперь она сидела напротив полицейского, и одна-единственная мысль занимала ее: что делать с конвертом? Стоит или не стоит передавать его в руки итальянской полиции? Честно сказать, ей очень хотелось бы это сделать. Отдать сверток – и гора с плеч долой. Но какое-то странное и непонятно откуда появившееся чувство ответственности мешало. Она попыталась было справиться с совершенно лишними терзаниями совести: в конце концов кем для нее являлся отец Антонио? Случайно встреченным священником, и точка. Но как раз эта самая точка никак ставиться не желала, и Кася в очередной раз с досадой почувствовала, что так просто ей из этой истории не выпутаться.

В этот момент ее глаза встретили ледяной и абсолютно прозрачный взгляд мужчины, сидевшего несколько в стороне от Баттисти и внимательно слушающего ее рассказ. Он назвался монахом ордена Святого Доминика, братом Паоло Сарагоса и сказал, что представляет в этом деле интересы Ватикана. И если комиссар ей показался вполне симпатичным и заслуживающим доверия, то от одного взгляда ледяных глаз доминиканца Касе стало не по себе. Чем дальше продолжался допрос, тем больше ей хотелось одного: спрятаться куда угодно,

хоть под стол. И в один момент она абсолютно точно поняла, что ни в руки полицейского, ни в руки монаха конверт она не отдаст. В мозгу вертелась одна и та же мысль: надо смываться, скрываться, исчезнуть, раствориться, что угодно, только бы не видеть этих глаз. И внутренний голос, который ошибался редко, советовал одно: прикинуться веником и, не мешкая, выметаться отсюда куда подальше.

Наконец Баттисти решил, что большего от этой свидетельницы узнать ему не удастся, а времени на пустые разговоры у него не было.

– Спасибо, синьора Кузнецова, за ваш рассказ. Распишитесь под вашими показаниями и оставьте ваши координаты моему помощнику.

Касе не надо было повторять два раза. Она с явным облегчением поднялась и, попрощавшись, вышла из кабинета.

– Девушка знает гораздо больше, чем говорит, – задумчиво пробормотал монах, когда за Касей захлопнулась входная дверь.

– Девушка – случайный свидетель, пришла по своей воле и рассказала все, что знала. В Рим прилетела несколько дней назад из Москвы, отца Антонио раньше не знала и видела всего лишь один раз в жизни, и, по-вашему, она что-то скрывает? Вы что, думаете, она видела убийцу? А может, сама убила? – раздраженно парировал Баттисти.

– Нет, этого я не утверждал, я всего лишь указал на то, что часть информации она по неведомым нам причинам скрывает, – продолжал настаивать брат Паоло.

– После вашей многовековой борьбы с ересями вам повсюду заговоры мерещатся!

– Как хотите, комиссар, это вы ведете расследование, вам и решать, – ровным голосом произнес монах, однако слова эти прозвучали как предупреждение.

Баттисти уставился на доминиканца: если бы можно было испепелить взглядом, то от монаха осталась бы только легкая кучка пепла. Но брат Паоло даже не вздрогнул.

– Ладно, – сдался комиссар, – ваша взяла, на всякий случай я запрошу по Интерполу все сведения на эту барышню, но задерживать ее в Италии я не имею права.

– А я вас и не прошу задерживать ее в Италии, просто не терять из виду.

«Опять этот монах добился своего!» – подумал комиссар с досадой, но виду не подал. Вслух же произнес другое:

– Мы ее из вида не потеряем, не беспокойтесь. Только кажется мне, что не одной девушке в этой истории есть, что скрывать. Поправьте меня, если я ошибаюсь, да только вы мне тоже не рассказали всей правды…

* * *

Кася вернулась в отель. Но долгожданное чувство облегчения не приходило. С уходом отца Антонио груз с ее души снять было некому. Она вспоминала, с какой легкостью покинула в первый раз церковь Санта-Мария-деи-Монти. Тогда у нее было счастливое ощущение того, что наконец-то она нашла человека, с которым может разделить свою ношу. Теперь она снова осталась одна. Рассказать матери о том, что произошло, духу у нее не хватало. Потому что получалось, что Екатерина Великая в очередной раз окажется права. С чего все началось? Она задумалась. Конечно, работа с Шаровым стала для нее отличным развлечением. Отыскивание пропавших раритетов было по-настоящему увлекательным. Она себе казалась настоящим «искателем сокровищ».

Все начиналось совершенно замечательно, а закончилось… хуже не придумаешь. Очередным предметом ее поисков был неизвестный портрет Бакста. Она долго и упорно искала его следы и наконец нашла их в Санкт-Петербурге. Его сегодняшнюю владелицу звали Вера Осиповна Александрова, и жила она на Васильевском острове. Вера Александрова была в прошлом примой Мариинского балета. Она жила одна, детей у нее не было, она рано овдовела. Кася позвонила Александровой и представилась фрилансером нескольких московских журналов. Рассказала, что собирает материалы о прошлом Мариинки для серии статей об ушедших звездах этого театра. Спросила бывшую приму, не может ли та уделить ей пару часов. Александрова с удовольствием согласилась. И уже на следующий же день Кася стояла перед дверью квартиры балерины. Открыла ей сама хозяйка. Несмотря на почтенный возраст, Александрова

двигалась удивительно легко. Кася даже позавидовала великолепной осанке и казавшейся врожденной грации. После нескольких слов приветствия ее пригласили в зал. Все стены достаточно большой комнаты с лепным потолком были увешаны театральными афишами, портретами. Касе стоило огромного труда рассмотреть вожделенный портрет. Но она не ошиблась: он был именно здесь.

Александрова усадила мнимую корреспондентку за круглый обеденный стол, на котором уже были разложены альбомы с фотографиями и газетными вырезками. Касе стало неловко. Хозяйка квартиры искренне поверила в белиберду, которую она сочинила, и основательно подготовилась к их встрече. Стараясь не разочаровать Александрову, Кася достала блокнот, попросила разрешения включить диктофон и стала лихорадочно соображать, с чего бы она могла начать. Впрочем, перед приходом она просмотрела все доступные в Интернете материалы, и сами собой на ум стали приходить нужные вопросы. Александрова же настолько охотно включилась в их беседу, что Касе даже не пришлось особенно стараться, чтобы сыграть роль начинающего журналиста. Где-то через пару часов, когда она просмотрела добрую половину альбомов и выслушала несколько интересных историй, она наконец решилась обратиться к настоящей цели своего прихода.

– А это тоже подарок одного из ваших поклонников? – как бы невзначай спросила Кася, указав на заветную картину.

Реакция ее хозяйки оказалась мгновенной и совершенно неожиданной. Вера Осиповна заметно напряглась и с откровенной враждебностью вопросом на вопрос ответила:

– Значит, статья об истории Мариинки сводится всего-навсего к вот этой картинке?

Кася, встретившись глазами с прямым взглядом Александровой, решила, что играть в прятки не имеет никакого смысла. Она виновато улыбнулась и, в свою очередь, ответила вопросом на вопрос:

– Если бы я сказала об истинной причине моего прихода, согласились бы вы меня принять?

– Вы можете удивляться, но согласилась бы, – так же сухо ответила дама, – итак, продолжайте, я вас слушаю.

Кася заметно растерялась, разговор явно выходил из-под контроля и экс-прима Мариинки по правилам играть не желала. Вместо того чтобы удариться в воспоминания и рассказать, насколько дорог ей этот портрет и так далее и тому подобное, Александрова не говорила ни слова и не сводила с Каси внимательного взгляда.

– Ну раз вы не против, я хотела бы продолжить, – торопливо произнесла Кася, стараясь не обращать внимания на презрительное молчание хозяйки, – я пришла к вам по поручению фонда Уайтхэд, который представляет интересы одного крупного музея Ближнего Востока.

– Белая голова, черные мысли, – почти прошептала хозяйка и махнула рукой, – продолжайте…

Вера Осиповна, казалось, полностью отключилась, и Кася вещала в полную пустоту. Девушка самой себе начала напоминать ученицу, повторяющую зазубренный наизусть урок в пустой комнате. Она пыталась приводить свои самые убедительные доводы, показывая, насколько предложение ее хозяев интересно, что фонд обладает огромными финансовыми возможностями и готов к любым, в пределах разумного, конечно, расходам.

– Вы мне просто скажите откровенно, какую сумму ваши хозяева готовы заплатить? – наконец прервала ее словесные излияния Александрова.

Кася несколько оторопела от неожиданности, но подчинилась и написала на листке бумаги сумму. Хозяйка взглянула и совершенно просто спросила:

– Вы уверены, что для вашего фонда эта сумма покажется разумной.

Подобное поведение хозяйки заинтриговало Касю. Она ни разу не встречала ничего похожего. Та, казалось, больше пеклась об интересах фонда, нежели о собственных интересах, и совершенно не собиралась торговаться. Кася привыкла к обратному. Обычно владельцы набивали цену. Кто говорил, что прекрасно разбирается, сколько подобное произведение может стоить. Другие нажимали на сентиментальную ценность, когда рука не поднималась продать

дорогую память об отце, дедушке или троюродной тете за четыреста тысяч рублей, а поднималась только за восемьсот. Были и такие, кто категорически отказывался продавать, но никогда и никто не интересовался у нее, не разорит ли покупка принадлежащего им раритета неизвестный фонд.

Александрова заметила удивление ее гостьи и рассмеялась сухим, неприятным смехом:

– Вас это удивляет, не правда ли?

Кася вместо ответа только кивнула.

– Понимаю, только удивляться тут нечему. Я, конечно, дорожу подарком Льва, но не настолько, чтобы расстаться из-за него с жизнью!

Кася непонимающе уставилась на собеседницу.

– Как вы думаете, милая девушка, что происходит с теми, кто не желает расставаться с картинками, которые вы находите для музея очередного нефтяного набоба?

– Я ищу другую картинку, как вы говорите, – пожала плечами Кася.

– То есть вы уходите, и дело с концом? – саркастически поинтересовалась Александрова.

– Да, – просто ответила девушка.

– Вы уходите, и дело с концом, – повторила Вера Осиповна, и на этот раз ее голос предательски задрожал, – но уверены ли вы в том, что это настоящий конец?

Неприятный холодок пробежал по спине девушки, и ей внезапно стало не по себе:

– Что вы хотите этим сказать?

– Хотите расскажу вам одну историю? – спросила старая женщина и, не дожидаясь Касиного согласия, продолжила: – У меня была одна очень близкая подруга, моя гримерша Мария Федоровна Дробышева. Очень светлый и просто очень добрый человек. Поэтому все в театре называли ее ласково Манюней. Даже самые наипервейшие стервы, и те никогда Манюню не трогали. Да и за что ее было трогать: в ее жизни был только театр, несколько близких друзей, подруг, любимые кошки и еще память о родителях. Она была, как это принято было тогда говорить, «из бывших». Ее родители, потомственные дворяне, предпочли на свой страх и риск остаться после революции в России. Отец работал сначала в каком-то наркомате, потом преподавал, мама учительствовала. От прошлого осталась комната в коммуналке, бывшая когда-то спальней сестры отца Манюни в огромной дореволюционной квартире адвоката Василия Дробышева, деда Манюни, удивительно красивая китайская ширма и несколько картин на стенах. Правда, Манюня всегда утверждала, что это всего лишь копии, ну а мы вопросов не задавали. Только недавно, три месяца назад, она неожиданно пришла ко мне посоветоваться… – голос Веры Осиповны оборвался, и было видно, что только огромным усилием воли она сдерживает слезы.

Кася слушала внимательно, так и не понимая, почему Александрова рассказывает эту историю. Вера Осиповна заметила выражение вежливой скуки на ее лице.

– Вы спрашиваете себя, почему эта старуха рассказывает про какую-то там Манюню и какое это имеет отношение к вам? – резко спросила она.

– Вы не ошиблись, – призналась Кася.

– Только отношение все это имеет к вам самое непосредственное! – взорвалась бывшая прима и, с трудом взяв себя в руки, продолжила слегка надорванным голосом: – В тот день Манюня призналась мне, что картины, к которым мы все привыкли, на самом деле подлинники известных мастеров. Две большие принадлежали перу Ильи Репина и Константина Коровина, с которыми ее дед был дружен, автором акварельного «Портрета неизвестной» на самом деле был Александр Бенуа. И вот теперь она решила подарить все это Художественному музею. Совершенно не знаю почему, но я попыталась отговорить ее. Предлагала отложить решение, не встречаться с хранителями, подумать о наследниках. Но Манюня была непреклонна. Тем более из близких у нее остался только племянник, который почти не поддерживал с ней никаких отношений. И она

искренне опасалась, что ее единственный родственник просто продаст картины, и тревожилась за судьбу родительской коллекции. Я ее так и не уговорила. Манюня отправилась за советом к нотариусу. Но не успела она составить дарственную, как на нее вышел представитель какого-то фонда или иностранной галереи, Манюня так точно и не поняла, и предложил купить картины. Манюня отказалась, сказав, что в деньгах она не нуждается. Для нее важнее было увидеть имя своих родителей на дарственных табличках рядом с картинами. Представитель звонил еще несколько раз, приходил, даже подключил к делу племянника, который ради такого случая попытался восстановить отношения с тетей, но она не соглашалась. А потом с Манюней произошел несчастный случай: она попала под машину. Того, кто сидел за рулем, так и не нашли, дело закрыли. А после похорон племянник продал все картины за очень приличную сумму этому самому фонду.

Кася замерла, один вопрос вертелся на губах, наконец она решилась:

– Вы полагаете, что смерть вашей подруги не была несчастным случаем?

– Нет, – просто ответила Александрова, – нет, я не верю в совпадения. Конечно, вы можете сказать, что достаточно было украсть картины. Но, насколько я понимаю, никакая галерея и никакой уважающий себя аукцион не выставит на продажу краденое. Основным условием было законное приобретение картин. Поэтому смерть Манюни оказалась очень и очень кстати…

Две женщины сидели друг напротив друга и молчали. Вера Осиповна смотрела невидящим взглядом в окно, глаза ее на этот раз были сухими, лицо застыло маской. Кася уставилась в пол, словно боялась поднять глаза и встретить презрительный взгляд ее собеседницы.

– Поэтому я вас и спрашиваю, покажется ли сумма, которую вы мне только что предложили, вашим хозяевам приемлемой, и не будет ли она стоить мне жизни? – снова разорвала молчание Александрова.

– Я была уполномочена предложить вам именно столько.

– Хорошо, на этом мы и остановимся. Как будет происходить продажа?

Кася коротко объяснила, желая только одного: уйти. Выйдя от Александровой, она первым делом набрала полные легкие воздуха. В определенный момент ей показалось, что она задыхается. Быстрым шагом вышла на набережную и в течение почти пятнадцати минут тупо смотрела на легкие волны, пробегающие по маслянисто-черной поверхности реки. Только почувствовав, что окончательно пришла в себя, вернулась в гостиницу, позвонила Шарову и передала согласие клиентки.

С Алексом она решилась поговорить гораздо позже, почти через две недели после встречи с экс-примой Мариинского театра. К ее удивлению, Алекс отреагировал на рассказ Каси вполне спокойно и только пожал плечами:

– Слушай, ну а какая тебе, собственно, разница? Мы к этой самой Манюне никакого отношения не имеем. Инвестиционные фонды, вкладывающие капиталы в произведения искусства, бывают разными, и методы их отличаются. Потом ты должна понять, что это просто одна из форм капитала, а деньги, как известно, не пахнут. Ты же не будешь задавать вопрос банкиру, чувствует ли он ответственность за клиента, который пустил себе пулю в лоб, или менеджеру, не переживает ли он, что уволенный им работник стал бездомным бродягой. Этот мир просто так устроен. Да и в конце концов тебе ведь самой никого убивать не предлагают.

– То есть тебе все равно, что в результате твоей деятельности кто-то может пострадать? – констатировала Кася.

– Что за винегрет у тебя в голове? Ты, может, начнешь, как буддийские монахи, метелочкой перед собой мести, чтобы, не дай бог, не раздавить какую-нибудь букашку?

– Не преувеличивай, речь идет не о какой-нибудь букашке, а о вполне конкретных людях, которым наше вмешательство вполне может стоить жизни! – взорвалась было Кася и тут же остановилась. Просто она почувствовала, что все ее слова имеют такой коэффициент полезного действия, как и война с ветряными мельницами. «Совесть Шарова не покупается за деньги, а только за очень крупные суммы», – горько усмехнулась она про себя. Впрочем, он не слишком отличался от большинства земных и вполне нормальных людей, которые любят говорить, что у них есть голова на плечах, что они знают, о чем говорят, и твердо стоят на своем клочке земли. Поэтому дальнейший разговор не имел никакого смысла.

В этот же день, вернувшись домой, Кася подняла все свои записи. Из самых недавних дел она выбрала троих владельцев, которые отказались от предложенного вознаграждения. Первым был майор в отставке Зинкевич Владимир Иванович. Ему от дедушки достались несколько старинных икон, две из которых принадлежали перу неизвестного художника школы Максима Грека. Майор никак не желал расставаться с иконами и ни о каких предложениях и слышать не хотел. Дрожащей от волнения рукой Кася набрала номер майора и с огромным облегчением услышала хорошо запомнившийся ей суховатый голос:

– Я вас слушаю.

Кася торопливо повесила трубку. Она совершенно не представляла себе, о чем говорить с бывшим военным. Второй в ее списке была Чегодаева Марина Степановна, главный бухгалтер какого-то строительного треста, мама которой купила в свое время по сравнительно недорогой цене несколько картин Зинаиды Серебряковой и несколько набросков Кустодиева. Марину Степановну не устроила цена, предложенная Касиными заказчиками, и она ожидала другого, более выгодного покупателя. Трубку сняла дочь Чегодаевой, Вика. На просьбу Каси поговорить с ее матерью Вика заявила, что та в командировке и приедет только через неделю. Но если ее, Касю, интересуют картины, то три из них уже проданы, а с остальными они расставаться пока не собираются. На этот раз Кася повесила трубку с явным облегчением и с совершенно легким сердцем набрала третий номер: Натальи Витальевны Муромской, известного в прошлом архитектора.

На звонок никто не ответил, скорее всего, хозяйки квартиры не было дома. Кася перезвонила Муромской через день: телефон молчал. Недолго думая, она собралась и отправилась по знакомому адресу. На звонок домофона никто не отвечал, попыталась позвонить соседке, но день был рабочим, и в соседской квартире, по всей видимости, никого тоже не было. Кася слонялась около подъезда уже минут пять, когда наконец к подъездной двери подошла пожилая женщина с двумя продуктовыми сумками.

– Скажите, пожалуйста, вы незнакомы с Натальей Витальевной Муромской, она живет в вашем подъезде на пятом этаже, – обратилась к пожилой женщине Кася.

Женщина остановилась, поставила сумки на скамейку, окинула Касю внимательным взглядом и, слегка задыхаясь, уточнила:

– Жила в нашем подъезде…

– Она переехала? – с надеждой в голосе переспросила Кася.

– Переехала, – спокойно подтвердила женщина, – все туда переедем… Месяц как похоронили…

У Каси подкосились ноги, и она плюхнулась на скамейку рядом с продуктовыми сумками незнакомой женщины. Та, внимательно рассматривая побелевшее лицо девушки, спросила:

– А вы кто Наташе будете? Родственница или из института?

– Из института, только я уже там не работаю, – спохватившись, соврала Кася, сообразив, что коллеги Муромской по институту должны были быть в курсе смерти последней.

– А-а, – протянула ее собеседница понимающе, – в газетах даже про Наташу писали. Машина ее сбила. Шоферюгу, сволочь, как и водится, не нашли, а Наташи нету.

Женщина вздохнула, подхватила свои сумки и, уже больше не обращая никакого внимания на Касю, зашла в подъезд. Девушка осталась сидеть на скамейке, безуспешно стараясь справиться с головокружением и подступающей к горлу тошнотой. Ее все-таки вырвало, но легче не стало. Не помнила, как добралась до дома, и, только захлопнув за собой входную дверь, разрыдалась. И в тот же вечер решила, что должна уехать, иначе не выживет. А на следующий день пришло письмо от Джулии.

Кася подошла к двери своего номера, вставила пластиковую карту, заменявшую ключ. Но знакомого щелчка не было. «Размагнитилась, что ли?» – подумала она и подергала за ручку. К ее удивлению, дверь бесшумно отворилась. Для горничной уже поздновато, подумала она, но в номер все-таки вошла. Настороже, в любой момент готовая пуститься наутек, включила свет. Комната была пуста. Так же

осторожно отодвинула дверцы встроенного шкафа, заглянула в ванную, под кровать, раздвинула шторы, выглянула во двор. «Видимо, горничная плохо захлопнула дверь», – подумала она. Но вещи решила все-таки проверить. Фотоаппарат, камера, компьютер были на месте, чемодан тоже. Выдвинула ящики комода и только в этот момент заметила, что порядок в стопке ее одежды был нарушен. У в целом несуеверной Каси было все-таки несколько пунктиков, которым она никогда не изменяла. Одним из них являлась привычка складывать одежду таким образом, чтобы цвета располагались в том же порядке, что и цвета радуги. С чем это было связано? На этот вопрос ответа у нее не было. Может быть, потому, что радуга приносила удачу? Так или иначе, но, заметив фиолетовый джемпер, нагло затесавшийся между зеленой и голубой футболками, Кася нахмурилась. Вывод был один, и он ей совершенно не нравился: ее номер тщательно и очень аккуратно обыскали…

Глава 3

О дороге, которая никуда не ведет (но уводит дальше других)

Наутро следующего дня, предупредив тетю Джулии, что вернется через пару дней, Кася покинула Рим. Еще перед отъездом в Италию она пообещала Алеше, что навестит его во Флоренции. Ее друг детства год назад выиграл грант Флорентийского университета. Она помнила, как ликовал тогда Алеша. Для него, начинающего светила исторической науки, такой случай был настоящим счастьем. Сама возможность получить доступ к архивам Флоренции, Ватикана, путешествовать и в конце концов издать книгу, о которой он так долго мечтал. Поэтому уехать, не навестив Алешу, она не могла. Хотя, может быть, в ее ситуации так было даже лучше. Встреча с Алешей могла ей помочь отвлечься от всего, что с ней произошло за последние три дня.

Она не ошиблась, уже через день пребывания во Флоренции небо над ее головой просветлело, и ситуация стала казаться не настолько беспросветной. Хотя Алеша явно был обеспокоен состоянием своей давней подруги:

– С тобой все в порядке? – Друг встревоженно рассматривал ее.

– Да, – пожала она плечами.

– Ты уверена?

– Уверена, – начала слегка раздражаться Кася, – а почему ты об этом спрашиваешь?

– Мы уже сидим здесь полчаса, и до сих пор я не смог добиться от тебя ни одного вразумительного ответа! Ты словно зомби: «да», «нет», «спасибо», «пожалуйста»!

Кася, помолчав с секунду, ответила:

– Извини, просто устала.

– Хорошо, приму это объяснение за отсутствием лучшего, – неохотно согласился Алеша с ее версией собственного странного поведения, – расскажешь, когда захочешь… Но на этот раз хотя бы выслушай меня внимательно, потому что именно сейчас мне необходима твоя помощь.

Она только кивнула удивленно.

– Но не соглашайся, не подумав, – попросил он.

– Не соглашусь, – пообещала она, – рассказывай.

– Проблема в том, что мне нужно срочно прояснить один вопрос…

– И этот вопрос касается? – подбодрила его Кася.

– Отношений Медичи и России. Вернее, Лоренцо Медичи и Софьи Палеолог.

– Они знали друг друга? – слегка удивилась Кася. Конечно, имя Софьи Палеолог ей было известно. В конце концов именно женитьба Ивана Третьего на наследнице последних византийских императоров дала повод Москве называть себя Третьим Римом. Но всю эту историю она представляла себе более чем смутно.

– Одно из редких описаний внешности Софьи дошло до нас благодаря личному поэту Лоренцо Великолепного, Луиджи Пульчи. Тот вместе с женой Лоренцо, Клариче Орсини, присутствовал на заочном бракосочетании Ивана Третьего и Софьи Палеолог. Если жена Лоренцо знала Софью, то и Лоренцо знал наследницу Палеологов, тем более что она выросла в Ватикане, при дворе Папы Римского.

– Бракосочетание было заочным? – удивилась Кася.

– Ну а каким оно могло еще быть? Не мог же Иван Третий отправиться в Италию за новой женой самолично. В то время подобный риск был не оправдан. Брак с Софьей овдовевшему Ивану предложил Папа Павел Второй, – терпеливо объяснял Алеша, – почему? С одной стороны, надеялся на усиление католического влияния в России и, почему бы и нет, сближения двух церквей. А с другой – надеялся привлечь становившееся все более мощным Российское государство к Крестовому походу за освобождение Константинополя от турков.

– Насколько я знаю, Константинополь от турков никто не освободил, – хмыкнула Кася.

– Папа попал впросак по всем параметрам! – улыбнулся Алеша. – Иван Третий жениться женился, но помимо турков у него и своих забот хватало, а у Софьи были свои планы, совершенно отличные от планов Святого Престола.

– Хорошо, в том, что Софья и Лоренцо знали друг друга, ты меня убедил, но почему тебя это интересует?

– Мой грант касается отношений Медичи и России. В университете об этом говорят как об абсолютно неисследованной области взаимоотношений Италии и России. Не могли Медичи, связанные родственными, финансовыми и т. д. интересами со всеми королевскими домами Европы, обойти своим вниманием набиравшую силу Московию. И в процессе моих разысканий в архивах Медичи я совершенно случайно напал на прошение некоей Фортунаты Альберони к Лоренцо Медичи. Все было бы совершенно обычно: бедная сирота, оставшаяся без родителей и средств к существованию, просит защиты у могущественного синьора и тому подобное. Но начнем с того, что Фортуната вовсе не ведет себя как бедная сирота. И во-вторых, меня заинтересовала причина исчезновения отца Фортунаты: Джироламо Альберони. Если верить письму, Джироламо

отправился по приказанию Лоренцо в Московию, ко двору Ивана Третьего и Софьи Палеолог, и из своего путешествия не вернулся. С какой миссией он был направлен в Москву, в письме, естественно, не говорится, но, судя по всему, миссия была секретная и достаточно важная. Естественно, что я стал разыскивать сведения об этом самом Джироламо Альберони и об его миссии. Единственное, что я узнал, он был известным во Флоренции алхимиком и аптекарем по совместительству. Но почему человека такой далекой от авантюризма профессии отправили в Москву, об этом ни в одном официальном документе ни слова, ни полслова.

– Прошло больше пяти столетий, – напомнила ему Кася.

– Даже если прошло пять столетий, появление эмиссара Лоренцо Медичи не могло остаться незамеченным при Московском дворе. Где-то должно было быть упомянуто об его существовании. Откуда это полное молчание, если бы не письмо Фортунаты, то вообще никто об этом не узнал бы.

– Это имеет отношение к твоей работе?

– У меня появилась одна идея, – осторожно начал Алеша, – но она, как и любая гипотеза, требует тщательной проверки.

– Говори, не тяни!

– Письмо Фортунаты датировано пятнадцатым сентября тысяча четыреста девяностого года. Согласно ее письму, отец отправился в Московию в начале тысяча четыреста восемьдесят девятого года. То есть он появился в Москве в преддверии весьма трагических событий, которые во многом изменили ход российской истории.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовалась Кася, напряженно пытаясь вспомнить, что же такого особенного случилось в это время. Она помнила, что именно при Иване Третьем Москва поднялась и постепенно превратилась в самое мощное государство Восточной Европы, но в датах она была не сильна.

– Сначала о Софье или, точнее, Зое Палеолог, что ты о ней знаешь?

– Немного, – замешкалась она, – помню, что она была племянницей последнего византийского императора и бабкой Ивана Грозного. Потом именно с ней связана идея «Москвы – Третьего Рима».

– Идею «Москвы – Третьего Рима» впервые выдвинул митрополит Зосима в тысяча четыреста девяносто втором году, и она действительно была обоснована в том числе и женитьбой Ивана Третьего на византийской наследнице. Тогда же Великий князь заимствовал и византийского орла как государственный символ. Но роль Софьи во всем этом официальные историки усиленно обходят стороной. Хотя именно Софья сразу после приезда в Москву объявила себя единственной наследницей Византийской империи и постепенно сделала все, чтобы Московский двор по максимуму напоминал византийский. Именно она пригласила в Москву итальянских архитекторов и мастеров. Именно с нее начинается по-настоящему та каменная Москва, которую мы знаем.

– Странно, но об этом мало кто говорит, – задумчиво произнесла Кася, – получается, что она практически сделала то же для Москвы, что сделали Медичи для Флоренции.

– Ну во-первых, она – женщина. О роли женщин в истории России говорится очень мало. Фактически о них по-настоящему говорят, начиная с правления Елизаветы Петровны. Во-вторых, с самого начала ее нововведения и растущее влияние на Ивана Третьего пришлось по вкусу не всем. Против Софьи очень быстро сформировалась группировка во главе с приближенными Ивана Третьего, князем Патрикеевым и думным дьяком, человеком, одновременно игравшим роли министра иностранных и внутренних дел, Курицыным. И на стороне этой партии – ни много ни мало – законный наследник престола и любимый сын Ивана Третьего от первой жены Иван Молодой. Личность неординарная и по-своему выдающаяся. Достаточно вспомнить роль, которую он сыграл совсем молодым в столкновении с ордой и стоянии на Угре. Для него Софья – заклятый враг. И в определенный момент противники Софьи почти победили. Влияние великой княгини почти сведено на нет. Ее судьба, можно сказать, предрешена. Больной, сильно пьющий Иван Третий уже делает сына Тверским князем и собственным соправителем. В некоторых источниках отец и сын именуются «самодержцами Русской земли».

– Но, насколько я помню, после Ивана Третьего на престол взошел Василий Третий, и никакого Ивана Молодого я не помню, – вставила Кася, – что с ним случилось?

– Умер.

– Своей смертью? – уточнила Кася.

– Вот в этом-то и весь вопрос. По официальной версии, он заболевает подагрой и умирает.

– От подагры разве умирают?

– Да, есть особые острые формы болезни, но они были достаточно редки даже в то время…

– Но при чем тут Софья и Медичи?

– Узнав о болезни наследника, Софья выписала из Венеции лекаря – «мистро Леона». Но лечение не помогло, а только ускорило течение болезни. Седьмого марта тысяча четыреста девяностого года Иван Молодой умирает. Лекаря казнили, а по Москве сразу же поползли слухи об отравлении наследника. Спустя сто лет Андрей Курбский заговорит как о неоспоримом факте о том, что Софья отравила Ивана Молодого, и на этом основании будет оспаривать законное право Ивана Грозного на престол.

– Значит, именно это убийство так серьезно подмочило репутацию Софьи… А ты как думаешь? Она его отравила или нет?

– Не знаю, но задаю себе вопрос: случайно ли именно в этот период в Москве оказался тайный посланник Медичи и какую роль он сыграл в этой истории? Хотя, конечно, всегда есть риск, что это простое совпадение.

– Медичи и яды, – задумчиво произнесла Кася, – старая история.

– Ну не только Медичи, были и Борджиа, и многие другие семьи. Да и славу византийских отравителей мало кто мог затмить.

– Тогда получается, что Софья не нуждалась в Медичи, чтобы отравить кого-то, она же была византийкой, – возразила Кася.

– Византийкой, выросшей при дворе Папы Римского, оставшейся полной сиротой слишком рано, чтобы обучиться тонкому искусству отправления политических противников на тот свет, – с явной иронией поправил ее Алеша, – так что в помощи знающих людей она явно нуждалась и никак не могла надеяться на московских сторонников. Отравление было искусством тонким.

– То есть согласно твоей теории, благодаря Медичи Софья устранила опасного противника. Только зачем Лоренцо Медичи понадобилось помогать Зое Палеолог в какой-то там Московии, где-то на краю земли обетованной?

– Этого я не знаю, но мне кажется, что у Лоренцо тоже был определенный интерес, иначе он не стал бы помогать Софье.

– Вполне может быть, – пожала плечами Кася, – но стоит ли ставить это в центр твоего исследования?

– Стоит, – его черные глаза еще больше потемнели от волнения, – очень даже стоит. Для меня именно гибель Ивана Молодого – поворотный момент в истории России, и я хочу сделать это центральной темой моей книги!

– Ты уверен, что это сработает?!

– Да, если я соберу достаточно фактов и мои гипотезы подтвердятся. Кроме того, согласно договору, итальянский перевод у меня, можно сказать, в кармане. А за ним могут последовать и другие.

– Я была бы за тебя очень рада, – улыбнулась Кася.

– Но мне нужна твоя помощь, – глаза Алеши смотрели умоляюще.

– Моя помощь? – удивилась Кася. – Конечно же, я тебе помогу. Что я должна сделать?

– Нет, я не имею в виду обычную помощь, я хотел бы предложить тебе работать на меня, то есть не совсем на меня. В моем гранте выделена определенная сумма на помощь экспертов… Конечно, ей далеко до гонораров, к которым ты привыкла с… – замялся Алеша.

– С Шаровым, – закончила за него спокойно Кася, – гонорары в прошлом, как и сам Шаров!

Алеша с облегчением вздохнул:

– Тогда, может быть, подумаешь?

– Подумаю, – пообещала Кася. – Но что я должна найти?

– Ответ на твой же вопрос: с какой целью Лоренцо отправил Джироламо Альберони в Москву. И еще… – После недолгого колебания он продолжил: – Я хотел бы тебе представить одного из руководителей моего гранта. Зовут его доктор Фоскари, и он пригласил нас завтра к себе в загородный дом на юге Тосканы.

«Без меня меня женили», – с долей обреченности подумала Кася, но вслух ответила другое:

– Хорошо, договорились, поедем к твоему доктору…

* * *

Извилистая дорога неторопливо взбиралась на вершину холма. Было около восьми часов утра, и жара еще не успела накрыть все окружающее удушающим маревом. За окном машины проскальзывали оливковые рощи, виноградники, полускрытые пирамидальными кипарисами, и утопающие в зелени двух-трехэтажные дома с красными черепичными крышами. Алеша залихватски вел взятый напрокат «Фиат 500», Кася с удивлением поглядывала на своего друга. Алеше, которого в Москве невозможно было усадить за руль, езда по извилистым дорогам Тосканы доставляла явное удовольствие. Нет, Италия однозначно оказывала на ее друга детства чрезвычайно положительное влияние. Он загорел, возмужал и все меньше и меньше походил на «книжного жука-долгоносика», как когда-то его дразнили в детстве.

– Нам еще далеко?

– Около сорока минут. Устала?

– Нет, просто поинтересовалась.

– Наберись терпения, встреча, это я обещаю, тебя не разочарует.

– Это ты мне уже говорил, а вот только что особенного в этом самом докторе?

– Пусть для тебя это будет сюрпризом! Разбавлю твое нудное существование! – с некоторой фанфаронадой в голосе произнес Алеша.

Кася хотела было возразить, что ее существование за последнее время являлось каким угодно, но только не нудным. Но вовремя спохватилась. Алеше совершенно незачем было знать подробности ее времяпрепровождения. Через сорок минут смешная машинка удивительно легко взобралась на вершину холма, не снижая скорости, проехала по длинной, обрамленной тополями и платанами аллее и притормозила перед невысоким зданием из белого камня в форме буквы П.

– Ты подожди пока, я сейчас, – проговорил ее друг, выбираясь из машины, – объявлю о нашем приезде и вернусь за тобой.

Кася вышла из авто и огляделась. Дом доктора представлял собой странное смешение стилей и эпох. На первом этаже центральной части располагалась галерея с шестью изящными колоннами в типично тосканском стиле. Левое крыло явно нуждалось в реставрации и находилось в запустении, зато правое сияло новизной и удивляло неожиданными для этой местности огромными, во всю стену окнами.

– Неожиданное сочетание, не правда ли? – раздался над ее ухом приятный мужской баритон.

Кася резко обернулась. Высокий молодой брюнет в белых льняных брюках и в такой же белой рубашке стоял рядом и улыбался.

– Разрешите представиться, Андреа Боннеччи, племянник и по совместительству время от времени ассистент доктора Фоскари.

– Кассия Кузнецова, – начала было она и замялась, подыскивая подходящий термин, обозначающий род своей деятельности, – коллега Алексея Минковича.

– Рад вашему приезду, Кассия, идемте, я представлю вас моему дяде.

Кася послушно последовала за ним, не забывая по ходу дела рассматривать такой незаурядный дом. Они направились к правой, современной стороне дома. Андреа провел ее в просторный салон, обставленный на первый взгляд просто и безыскусно. Но это только на первый взгляд, в огромных белых диванах, витых этажерках и причудливой формы креслах Кася сразу же узнала творения наимоднейшего итальянского дизайнера, про которого только недавно взахлеб ей рассказывала Джулия. Наконец в сопровождении Алеши появился мужчина лет пятидесяти, который, судя по всему, и являлся доктором Фоскари. Его умное лицо можно было бы назвать привлекательным, если бы оно было менее подвижным. Выражения на нем сменялись с такой молниеносной скоростью, а взгляд слегка выпуклых черных глаз так быстро перебегал с одного предмета на другой, что Кася до конца встречи так и не могла с уверенностью ответить на самый простой вопрос: радует ли его их приезд или раздражает.

– Счастлив с вами познакомиться, – с некоторой церемонностью произнес доктор и пригласил их усаживаться, – итак, именно вы будете помогать Алексею в его работе?

Кася вопросительно посмотрела на своего друга, и тот поспешил вмешаться:

– Я только начал вводить Кассию в курс дела, и она еще не дала своего окончательного согласия.

– Хорошо, хорошо, я просто поспешил с выводами, – успокоительно произнес доктор.

– Вас тоже интересует эта история? – спросила Кася.

– Конечно, иначе руководимый мною фонд не стал бы вкладывать деньги в такой проект, – пожал плечами Фоскари.

Кася внутренне напряглась, но виду не подала. Про дополнительное спонсорство Алеша ей ничего не говорил.

– Я полагала, что это университетский грант?! – полувопросительно-полуутвердительно произнесла она. – Но мы еще не обсуждали всех подробностей.

– Тогда сейчас и обсудим, – произнес доктор и обратился к своему племяннику-ассистенту, – Андреа, ты приготовил материалы?

Тот кивнул:

– Все готово, за исключением копий писем Фортунаты Альберони, но Алексей обещал привезти их с собой.

– Досье с копиями в машине, я сейчас, – с этими словами Алеша быстро развернулся и отправился к автомобилю.

– Вижу в ваших глазах вопрос, почему именно письма Фортунаты и история ее отца заинтересовали наш фонд? Или я не прав? – тем временем обратился доктор Фоскари к Касе.

– Правы, – просто подтвердила она.

– Пройдемте в библиотеку, там и поговорим.

Они прошли в старинную часть дома, Фоскари распахнул створки высокой двери, и у Каси перехватило дыхание. Куда бы она ни обратила взгляд, везде в невероятно высоких шкафах покоились десятки, сотни тысяч книг. Такого богатства, да еще в частной библиотеке ей давным-давно не приходилось встречать. Как ни странно, но со старинными шкафами мирно уживались несколько компьютеров, целый набор лабораторного оборудования: электронный микроскоп, портативный рентгеновский аппарат и т. д.

– Гордость фонда Фоскари, – заговорил, горделиво обводя залу рукой, доктор. Чувствовалось, что Касино изумление доставило ему настоящее удовольствие.

– Ничего подобного раньше не видела, – удивленно произнесла она. Действительно, для частного собрания такая коллекция была уникальной.

– Эту библиотеку начал собирать еще мой прапрадед, – с улыбкой продолжил ее собеседник, – в нашей семье страсть к древним манускриптам и редким книгам передавалась из поколения в поколение. Кроме того, основу этой библиотеки составили некоторые книги из коллекции самих… – он выдержал многозначительную паузу, – Медичи…

– Медичи?!

– По преданию, начало нашего рода восходит именно к этой знаменитой семье.

– Вроде бы этот род угас где-то в восемнадцатом веке? – неуверенно произнесла Кася, пытаясь вспомнить недавно просмотренный документальный фильм.

– Да, вы не ошибаетесь, но это касалось только прямых ветвей, но остались побочные. А побочные отпрыски часто более выносливы, нежели законные. Чем-то же должна природа их наградить? – усмехнулся каким-то своим мыслям доктор Фоскари.

– А это тогда зачем, синьор? – Кася подошла к лабораторному оборудованию.

– Называйте меня просто Луиджи, мы можем попытаться стать друзьями, не так ли? – улыбнулся Фоскари. – Наш фонд является признанным экспертом в установлении подлинности древних рукописей и к нам часто обращаются библиотеки, архивы, частные лица, благотворительные организации. А на ощупь и с одной лупой справляться теперь как-то не принято.

Кася прекрасно знала о баснословных ценах на древние и не очень древние рукописи, подлинники, принадлежавшие перу известных писателей, автографы, оригиналы переписки знаменитых личностей и т. д. Только недавно при ее первом посещении совершенно неприметного с первого взгляда аукциона в Париже несколько страниц Флобера ушли с молотка за 200 тысяч евро. Что говорить о более интересных находках. Как ни странно, в библиотеке только что одолевавший Фоскари нервный тик прошел, черты его лица разгладились и стали симпатичными. Тем временем вернулся Алеша и разложил в хронологическом порядке копии писем Фортунаты Альберони. Фоскари

внимательно просмотрел копии и протянул их Андреа.

– Что ты об этом думаешь? – произнес он несколько учительским тоном.

– Конечно, для меня лучше подлинники, но, судя по стилю письма, особенностям почерка и употребляемым выражениям, письма действительно относятся к пятнадцатому веку. Для большей уверенности я изучу оригиналы писем во флорентийском архиве. Но пока, я думаю, мы можем не сомневаться: Фортуната Альберони действительно существовала, и ее отец вполне мог быть отправлен Лоренцо Великолепным к Московскому двору.

– Я с тобой согласен. Замечательно, – радостно потер руки Фоскари, – ваше исследование, Алексей, может стать очень и очень увлекательным. И возможно, оно наконец заинтересует вашу подругу? – лукаво обратился он к Касе.

– Может быть, – неопределенно пожала плечами та, но рядом с углубившимися в чтение мужчинами не осталась, а прошла в другую сторону огромного зала.

Ей захотелось осмотреть угол, в котором располагалось научное оборудование. Она кинула взгляд на экраны компьютеров, только один из четырех был включен, и рядом с ним на столе в специальной, отделанной велюром нише лежал в полуразвернутом состоянии старинный том. Кася всмотрелась внимательно. Текст был на старофранцузском, скорее всего, на языке «ок». Она попыталась было прочитать, но смысл от нее ускользал.

– Сатана – князь мира сего, ибо создал он этот мир… – раздался над ее ухом голос, и она подпрыгнула от неожиданности.

Она так увлеклась, что не заметила подошедшего сзади Андреа.

– Вы меня напугали, – с укором сказала она.

– Я просто заметил, что вы пытаетесь понять текст, и решил помочь прочитать.

– Это окситанский язык?

– Да, конечно, язык прекрасных дам и трубадуров, но еще и язык самых ненавидимых еретиков европейского средневековья…

– Катаров?

– Да или альбигойцев, или богомилов. И перед вами один из крайне редких экземпляров Тайного Евангелия катаров, замечательно, не правда ли?

– Я никогда не читала ничего подобного, – призналась она, – а это что за манускрипт? – перешла она к другому столу.

– Что это за манускрипты, хотите сказать, – усмехнулся Андреа.

– Почему манускрипты? – удивилась Кася, видевшая перед собой один-единственный том.

– Потому что на одном и том же листе пергамента можно написать несколько разных текстов, стирая старый и надписывая новый. Только следы старого остаются, вот посмотрите… – с этими словами мужчина включил аппарат и под текстом на латыни показались буквы, похожие на греческие, перемежавшиеся непонятными символами. Кася с интересом наклонилась к экрану.

– Андреа, не мучай нашу гостью своими экпериментами! – прервал их опыт стремительно подошедший Фоскари. – Если его не остановить, синьора, он сейчас вам включит всю аппаратуру и до обеденного стола вы доберетесь только к вечеру.

Кася хотела было возразить, что ей это все очень и очень интересно. Однако Андреа послушно выключил аппарат и вернулся к разложенным на столе письмам Фортунаты и Джироламо Альберони.

Лицо Фоскари вновь стало подвижным, и взгляд темных, почти черных глаз начал быстро перебегать с одного предмета на другой. Волнение доктора ее удивило. Ему не понравилось, что Андреа посвящает первую встречную в их исследования? Или она ошибается? Задумавшись, она не заметила, как к ним присоединился пятый участник, вернее, участница встречи. Это была молодая, не больше 30 лет, женщина.

– Сильвия, моя сестра, – встрепенулся Андреа, с опозданием представляя подошедшую.

– Здравствуйте, Кассия, очень рада познакомиться с вами! Я так много слышала о вас от Алексея, – негромко произнесла Сильвия и протянула Касе руку, – как вам нравится у нас? Впечатляет?

– По правде сказать, очень! Я совершенно не ожидала увидеть нечто подобное!

– Ничего удивительного, если бы вы знали, какие средства дядя затрачивает на все это… – в ее словах прозвучал неожиданный укор.

– Сильвия – финансовый директор нашей организации, поэтому у нее свой, специфический взгляд. И если бы вы знали, как нам с ней непросто! – рассмеялся доктор Фоскари.

– Вся специфика заключается в том, чтобы вовремя остановить тебя и Андреа… – молодая женщина хмыкнула, пожав плечами.

– Да, моя дорогая, ты права, и слава богу, что ты рядом и не даешь нам разориться. Хотя иногда нам с ней очень и очень не легко! – закатил глаза к небу Фоскари.

– Бедные овечки! – с ложным сочувствием произнесла Сильвия, и все рассмеялись.

Кася украдкой рассматривала свою собеседницу. Контраст между братом и сестрой был разительным. Он – высокий, выделяющийся в любой толпе брюнет, она – тихая бледная мышка. Только присмотревшись, можно было разглядеть удивительной прозрачности лазоревые глаза, точеные, словно вырезанные опытной рукой скульптора черты лица и изящные линии тела. «Минимум макияжа, и она могла бы стать идеальной моделью для любого фотографа и художника», – пронеслось в голове Каси. Только откуда это сознательное подчеркивание собственной невзрачности? Словно желание остаться в тени, быть фоном для бросающейся в глаза красоты брата? Впрочем, на долгие раздумья на данную тему времени ей никто давать не собирался.

– Итак, вас все это заинтересовало? – обратился к ней Фоскари. – Вы согласны помочь вашему другу?

– Да, согласна, – кивнула она.

– Замечательно, теперь мы можем перейти к самой важной части нашей встречи! – с энтузиазмом потер руки Фоскари.

– Какой же? – с удивлением спросила Кася.

– К обеду…

Когда трапеза закончилась, повисла долгая пауза. Кася переваривала только что увиденное, а Алеша не решался ее побеспокоить. Тишину нарушила Кася:

– Кстати, я совершенно забыла тебя спросить…

– Спрашивай.

– Но ведь у этой Фортунаты должны были остаться родственники, а может быть, даже потомки. Может быть, след все-таки лучше искать здесь, в Италии?

– В этом ты права, – как-то особенно печально улыбнулся Алеша и переглянулся с как-то заметно погрустневшим доктором Фоскари, – я нашел и даже уже связался с потомком Фортунаты…

– Ну тогда что тебе мешает обратиться к этому самому представителю рода Альберони?

– В этом-то вся и проблема, – вздохнул Алеша и произнес каким-то странным голосом, – дело в том, что последнего Альберони больше нет… – помедлил и добавил, отводя глаза: – Если в Риме ты хоть как-то следила за последними новостями, то, наверное, слышала об убийстве этого несчастного священника – отца Антонио, настоятеля церкви Санта-Мария-деи-Монти? Так вот отец Антонио и был последним потомком Фортунаты Альберони…

Глава 4

Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что… или Протри глаза, если опускаются руки

«Фьюмичино!»– объявил шофер, и продремавшая большую часть дороги от Рима до аэропорта Кася встрепенулась. Хотя к выходу спешить не стала. В аэропорт она отправилась заблаговременно. Хронические римские пробки сами собой предрасполагали к подобной предусмотрительности. Но была еще одна причина, по которой в аэропорту она появилась заранее. Последней вытащила свой чемодан из багажного отделения автобуса, поблагодарила шофера и, не торопясь, направилась к входу в аэропорт. Перед стеклянными дверями остановилась, словно в раздумье, потом все-таки вошла внутрь. Зарегистрировавшись и сдав багаж, Кася слоняться по холлу аэропорта не стала, а сразу отправилась в посадочную зону. Прошла сканнер и собралась было забрать ручной багаж с бегущей ленты. В этот момент ее остановил сотрудник службы безопасности.

– Синьора Кузнецова, пройдемте с нами.

Кася беспрекословно повиновалась и через пару минут оказалась в небольшом бюро таможенной службы аэропорта, в котором, кроме нее, находились два человека. Одним из них был небольшого роста, состоящий из сплошных окружностей лысый мужчина средних лет, вторым – смахивающая на мастодонта дама в униформе с бесстрастным выражением на лице. На столе, в стороне, лежал Касин чемодан.

– По нашим сведениям, вы провозите запрещенные к вывозу из страны документы, – вежливым тоном заявил круглый таможенник.

– Ничего запрещенного я не провожу, – возразила Кася, – вы можете в этом сами убедиться.

– Вы уверены? – бесстрастно поинтересовался сотрудник.

– Уверена, – так же спокойно продолжила девушка.

– Сейчас мы это проверим, откройте ваш чемодан.

Круглый таможенник и мастодонт женского рода принялись за Касин багаж. Сначала очень профессионально и быстро перерыли весь чемодан, потом принялись за ручную кладь. Перетряхнув и пересмотрев все, что могли, и, судя по всему, ничего подозрительного не обнаружив, они остановились.

– Синьора Пифферо, – обратился круглый таможенник к своей сотруднице, – я вас оставляю с синьорой Кузнецовой.

Когда с личным обыском было покончено, таможенник вернулся. Явно обманутые в своих надеждах, они о чем-то пошептались вполголоса, и наконец мужчина разочарованным голосом начал приносить извинения. Касю заверили, что произошла ошибка и что ее чемодан вернется в багажное отделение. Возмущаться она не стала, а просто развернулась и вышла из помещения.

Только когда оказалась на безопасном от таможенного бюро расстоянии, вздохнула с явным облегчением. Потом, взглянув на часы, заспешила. До назначенной встречи оставалось совсем немного. Она прошлась по паре парфюмерных бутиков и заглянула в соседний магазин, на витрине которого была выставлена целая коллекция дорогущих сумок Гермес. Вышла из него и, уже не разбирая, стала заходить в каждый следующий Tax free. В ее сумке снова лежал заветный коричневый конверт. Спасибо синьоре Савелли. На самом деле, что бы она в этой ситуации стала делать без помощи тети Джулии! Вспомнила, как все произошло. В тот же самый день, когда она вернулась из Флоренции в отель, на входе ее остановил администратор:

– Синьора Савелли желает срочно вас увидеть, – мягким, но непреклонным тоном сказал он.

Кася пререкаться не стала и, оставив свои вещи внизу, отправилась в бюро Франчески. Владелица отеля была заметно встревожена:

– Девочка, ты впуталась в какую-то историю, – голосом, не терпящим возражений, постановила она, – и без моей помощи тебе не обойтись!

Кася молчала, лихорадочно соображая, что же такое случилось, чтобы так обеспокоить Франческу.

– В мое отсутствие что-то случилось?

– Ничего особенного, если не считать, что у администратора о тебе справлялись пара подозрительных мужчин, а потом номер, в котором ты останавливалась, перевернули с ног на голову, – быстро проговорила синьора Савелли, ожидающе уставившись на Касю. Но та никак не могла решиться.

– Я не собираюсь выспрашивать у тебя подробности, не волнуйся, – тем же уверенным голосом продолжила Франческа, – но пойми, что одна ты не справишься, и если я могу тебе помочь в чем-либо, я сделаю это.

– Они искали вот это, – выложила Кася перед тетей Джулии коричневый конверт.

– Откуда он у тебя?

– Меня попросил сохранить его один человек.

– Это не наркотики?

– Нет, это два документа из его личного архива.

– Ты уверена? – спросила Франческа, глядя ей прямо в глаза.

– Уверена, – ответила Кася, не отводя глаз.

– Кто этот человек?

Кася заколебалась, а потом все-таки решилась:

– Отец Антонио, настоятель церкви Санта-Мария-деи-Монти.

– Отец Антонио! – только ахнула Франческа. – Ты была знакома с ним раньше?

– Нет, я познакомилась с ним перед его смертью, и он передал мне эти бумаги, попросив сохранить их.

– И ты решила не передавать их полиции, – констатировала Франческа.

– Я пока не знаю, что с ними делать, – честно призналась Кася.

Франческа задумалась и после недолгого размышления постановила:

– Я знала отца Антонио, и раз он решил доверить именно тебе этот конверт, тогда так тому и быть…

Франческа не подвела, конверт ей передали, как и было обещано. Выбравшись из последнего на ее пути магазинчика, Кася посмотрела на часы. До посадки оставалось десять минут, следовало поторопиться. Уже в самолете, удобно расположившись в кресле рядом с окном и наблюдая за проплывающими за иллюминатором зданиями аэропорта, вздохнула: из Рима она выбралась. Только что ожидало ее в Москве?

* * *

День был совершенно чудесным, и после итальянской жары расположившаяся за письменным столом Кася просто обязана была радоваться нежаркому августовскому солнцу и прохладному ветерку. Или на худой конец обратить внимание на надрывающихся от радостного щебетания птиц. Но Касе было совершенно не до этого. Если бы ее кто-то спросил, какая погода стоит в Москве, она бы точно затруднилась ответить, посоветовав этому кому-то поискать ответ в Интернете. Все дело было в том, что Москва перед ее глазами походила на нынешнюю только географическим положением. Все остальное было другим: Кремль – белокаменным, и на дворе стоял пятнадцатый век.

Кася внимательно просматривала набранные за неделю материалы. К ее облегчению, слежки в Москве она за собой не заметила. Похоже, у интересовавшихся ею людей руки оказались недостаточно длинными. И этот факт ее вовсе не огорчил. Поэтому не откладывая дел в долгий ящик, принялась за работу. Кроме того, исследование захватило ее всерьез. Сама не ожидала, насколько устала от вынужденного перерыва. После нескольких дней, проведенных в Государственном архиве, и нескольких ночей в Интернете она уже могла мысленно нарисовать для себя и Флоренцию, и Москву конца пятнадцатого века. Она точнее представляла себе не только эпоху, но и главных

действующих лиц неизвестной ей ранее исторической драмы. Кася взяла в руки копию письма Фортунаты, с которого все и началось. С момента первого знакомства с этим письмом оно не переставало ее удивлять. Алеша был прав. Фортуната Альберони была девушкой с характером, да еще каким. Никому не известная особа пишет самому Лоренцо Великолепному, о котором уже современники слагали мифы. Но никакого заискивания и просительных ноток. Напротив, она требует уважения и благодарности. Именно требует, а вовсе не просит:

«Я всегда знала вас как человека слова, и мой отец доверял вам как самому себе, потому и больнее и непонятнее для меня было все, что произошло. Ваши посланники не только перевернули с ног на голову весь наш дом, совершенно не заботясь о сохранности вещей и не проявляя никакого уважения к нам, но и еще они позволили себе забрать вещи, которые для меня дороже всего на свете: письма моего дорогого отца. Это вся благодарность за его преданную службу и самоотверженность, за все, что он сделал для вас. Это все, что заслужил мой отец, когда, рискуя собственной жизнью, отправился на чужбину, в дикую и никому не известную страну. Слезы горечи и недоумения капают из моих глаз, когда я думаю об этом. Вы должны исправить эту несправедливость и принять меня когда вам будет угодно.

Остающаяся вашей покорной слугой,

Фортуната Альберони».

Кася отвлеклась на минуту от письма и улыбнулась собственным мыслям, представляя, как мог отреагировать блистательный Лоренцо Медичи на подобное послание. Явно не обрадовался. Но, к сожалению, попытки Фортунаты вернуть себе письма отца закончились ничем. Письма так и остались у Лоренцо. Иначе они не были бы найдены в архиве Медичи. Может быть, Лоренцо заплатил за них и позволил Фортунате снять копию, а может быть, просто отказал в ее просьбе, этого было теперь не узнать. Но в любом случае Кася прониклась уважением к этой молодой девушке. Как сложилась ее судьба? Алеша пообещал заняться этим всерьез и уже с присущим ему азартом перерывал все архивы Флоренции в поисках сведений о жизни Фортунаты Альберони.

Кася не переставала задавать себе вопрос: какими были все эти люди? Но ни портретов Джироламо, ни Фортунаты Альберони Алеше найти не удалось. Зато она могла представить других участников исторической драмы, разыгравшейся

в Москве пять веков назад. И в первую очередь Софью Палеолог. Только благодаря Алеше она впервые задумалась о том, какую роль сыграла эта женщина в истории государства Российского. Она заново всмотрелась в скульптурный портрет Софьи. Конечно, это была реконструкция по черепу, и поди узнай, насколько он соответствует действительности. Красивое, волевое лицо с большими глазами, тонким носом и с полными, четко очерченными губами. Кем она была, Софья Палеолог? Холодной интриганкой и отравительницей, согласно Курбскому и боярам? Почему никто или почти никто не говорит о роли, которую она сыграла в истории России. Носились как с писаной торбой с идеей «Москвы – Третьего Рима», а о той, благодаря которой сама эта идея стала возможна, молчок! Для Алеши именно с Ивана Третьего и Софьи Палеолог началась история Великой России. Именно с ними никому не известная Москва вошла в круг сильных мира сего, став самым мощным в Восточной Европе государством. С правления этих двух персонажей и закрутилась история превращения заштатного, захудалого лесного княжества в великую империю.

К сожалению, Касе приходилось разбираться далеко не со славными страницами, а с одной из самых темных сторон этого царствования. Если про гибель царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного, были написаны тома и тома исторических исследований, то про гибель наследника Рюриковичей веком раньше – ровным счетом ничего. Краткая биографическая справка и почти никаких страстей. Сможет ли она разобраться во всем этом?! Она вздохнула, Алеша явно преувеличил способности своей подруги, а она по своему обыкновению вляпалась в очередную историю. Но задумываться на тему, как ее так угораздило, не хотелось. Действительно, как ответить на вопрос: каким ветром ее занесло в церковь и почему ей в голову взбрело исповедаться, почему она согласилась взять конверт, в котором вдобавок ко всему оказались совершенно непонятные бумаги, смысл которых пока разгадать она не смогла? Как будто всего перечисленного было мало, в придачу она согласилась участвовать в Алешином исследовании. Результат: в очередной раз затесалась в историю, выхода из которой на данный момент не наблюдалось. Ответа на эти сто тысяч «почему» у нее не было да и быть не могло. Проще было работать, что она и сделала. Открыла отсканированные письма Джироламо и в который раз прочитала:

«Моя дорогая дочь, прошло всего четыре месяца с тех пор, как я покинул наш дом. Но у меня такое ощущение, что каждый месяц был годом. И хотя я неимоверно страдаю от разлуки, я открываю новый, совершенно незнакомый для меня мир. И каждый день не перестаю удивляться всему, что меня окружает.

Все в этой Московии для меня необычно: начиная с климата и природы и заканчивая людьми, ее заселяющими. Ты можешь сказать, что я не так уж много путешествовал, и наши друзья генуэзцы, привыкшие к самым экзотическим странам и народам, только посмеются надо мной… И пусть смеются. Может быть, они и видели больше, но и не пытались узнать страны, которые посещали изнутри, не пытались понять, а только судили жителей, нравы и обычаи со своей точки зрения. Я же могу с гордостью сказать, что я в этой стране не простой посетитель и зритель, а человек, пытающийся проникнуть внутрь, в самое проникновенное, затаенное, в самую душу этой страны. Поэтому и стараюсь описать для тебя самые незначительные детали, непримечательные события, свидетелем которых становлюсь каждый день. И надеюсь, моя дорогая дочь, что мои описания тебе не наскучат…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kapelle_larisa/filosofskiy-kamen-medichi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить